

Еще раз о русском характере

Среди множества архитектурных событий московской сцены я хочу выделить два не очень громких, но примечательных в сопоставлении. Речь идет о конкурсе «Русский характер» и дипломных проектах школы МАРШ, в частности студии «Перезарядье».

Оба проекта хотя и не сопоставимы по масштабу ни с мировыми конкурсами, собирающими звезд архитектуры, ни с открытием новых пешеходных улиц, тем не менее говорят кое-что о месте которое архитектура могла бы занять в современной российской жизни. Точнее в той жизни, что была у нас полгода назад.

Конкурс организованный ГК «Мортон» во многом необычен: редко девелопер, строящий миллионы квадратных метров массового жилья, проводит конкурс на социальный объект. Если местной власти удастся вменить школу или детский сад, то только в виде типового проекта, дешево и быстро. Никаких архитектурных задач при этом не ставится, ни жители (которых еще нет), ни власти (которые передоверили девелоперу свои функции), ни, упаси боже, архитектор, здесь как правило ни при чем. Не стану рассуждать о том, почему в иных странах и сельская школа может стать заметным архитектурным событием, скажу лишь, что конкурс «Мортон» не типичен. Такой вот подарок жителям Южного Бутова. Мы имеем дело с индивидуальным проектом по нетривиальному заданию: культурный центр в новом городском районе. А сверхзадача конкурса, «поиск новых элементов, форм и образов, олицетворяющих современный русский стиль в архитектуре», отражающий тот самый «русский

характер», дело и вовсе небывалое за последнее столетие наверное, если не вспоминать выставочную архитектуру ЭКСПО в Шанхае или экспозицию на Венецианской биеннале.

Заслуга в формулировке и реализации такого интеллектуального посыла принадлежит, помимо заказчика конкурса, его организаторам, агентству «Правила общения» и куратору Илье Мукосею. В интеллектуальном вакууме современной российской архитектуры, где нет ни общих целей, ни обсуждения философских, социальных, политических оснований профессии, это смелый вызов, попытка хоть немного оторвать архитектуру от строительно-девелоперского бизнеса и вывести в сферу культуры.

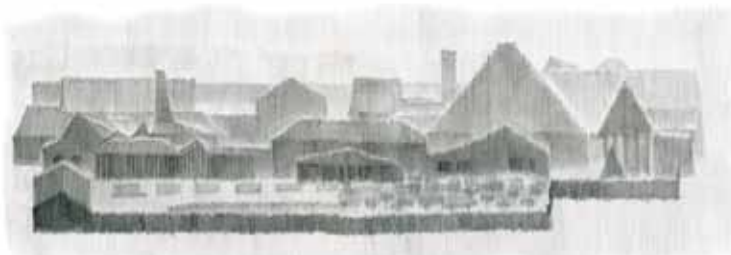
Правда, вызов, на мой взгляд, архаический, отсылающий нас к 19 веку, когда национальное в архитектуре было в России актуальной темой от Хомякова до, скажем, Федора Степуна, от философского обоснования особого русского чувства формы до принципов национального стиля как набора исторических деталей. От такого подхода программа конкурса предостерегает: «Необходимо, чтобы здание Центра было современным и актуальным и не представляло собой реминисценцию исторических стилей русской архитектуры», впрочем, в контексте набира-

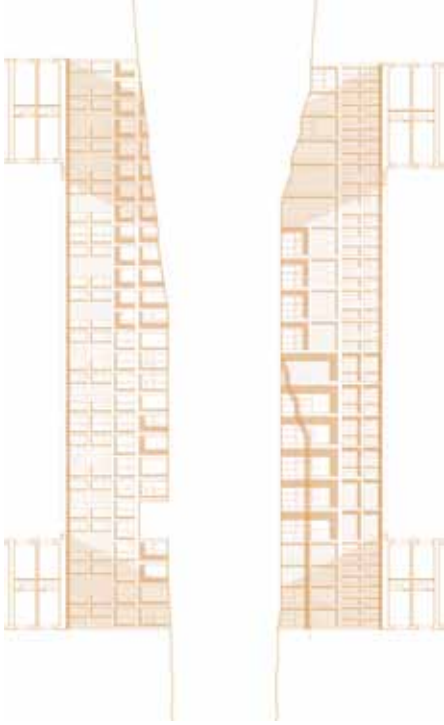
ющих силу рассуждений об «особом пути» России, о том, Европа мы или нет, с неизбежностью встает вопрос о загадочной русской душе, а там и до «Русского стиля» рукой подать.

Результат вполне предсказуем: обращение к образам русского авангарда (теперь он вполне может восприниматься как узнаваемый бренд и основа стиля) и к русскому деревянному. Деревянный проект бюро «Мегабудка» победил, ибо какому русскому сердцу не милы серые избушки образующие живописную деревеньку. Это действительно удачный проект, сочетающий узнаваемость образа с гибкостью функциональной программы.

Интригу конкурсу придало участие иностранных команд, кстати, из братьев-славян (OFIS и ENOTA из Словении). Вместо забот о русской душе наши коллеги обратили внимание на более осязаемые реалии, например на климат, предлагая энергоэффективные решения в непростых погодных условиях Москвы.

Российские проекты, обращаясь к трудноуловимой субстанции национального духа, практически не реагируют на физический контекст новой жилой застройки, ставший, я убежден, за 60 лет существования панельного строительства, фактом русской культуры, не менее реальным, чем мороз

или ширь полей. Осмелюсь предположить, что русская душа сейчас обитает не в избе и не в воспоминаниях о помещицкой усадьбе, а именно что в панельной девятиэтажке с видом на заросший березами двор. В Бутово этот контекст усилен многократно. Как и в чем может поселиться культура в окружении 35-этажных (!) стен, по сравнению с которыми Марьино или Печатники (жители других городов могут подставить свои названия районов 90х-2000х годов) покажутся утопическим городом-садом, вот сугубо российский вызов для российского архитектора. От идеи национального (имперского по сути, ведь русский дух веет и в Анапе и в Мурманске) приходим к идее местной, локальной архитектуры, разнообразным ответам на условия места. Такой подход возвращает нас в русло современного архитектурного дискурса и как нельзя лучше подходит России, гигантской и разнообразной стране, так и не ставшей настоящей федерацией. В Вологде не обязательно строить так же как в Краснодаре, «мысли глобально, действуй локально».

Этот ставший отчасти банальностью призыв реализован в работах дипломной студии МАРШ «Перезарядье» (руководитель студии Евгений Асс, преподаватель Кирилл Асс), презентация которой прошла на выставке АРХМОСКВА в мае. Судьба места была в центре внимания проекта. «Зарядье – самый многострадальный, самый скандальный, самый политизированный, самый дорогой и самый проблемный участок в центре Москвы. «20 января 2012 года премьер-министр и кандидат в президенты России В.В. Путин на

развалинах гостиницы «Россия» предложил мэру Москвы Сергею Собянину подумать над созданием парковой зоны на месте снесенной гостиницы» Московское правительство объявило международный конкурс на проект парка в Зарядье. Независимо от качества конкурсных проектов мы вправе задать вопрос: «Действительно ли парк является лучшим и единственным решением для этой территории и для Москвы в целом?» Конечной целью нашего проекта будет реабилитация этой городской территории.» На основании всестороннего исследования авторы попытались восстановить «геном» места, при этом решительно отказавшись от заигрывания с историей и имитации когда-то ушедшей жизни снесенного Зарядья.

Что нужно городу сегодня, можем ли мы спроектировать нормальную городскую жизнь в месте, бывшей на протяжении десятилетий площадкой для амбициозных проектов власти от Наркомтяжпрома до гостиницы «Россия» и пока не реализованного парка? И что собственно такое нормальная городская жизнь в Москве 2014 года, могут ли там, где 70 лет нет жилья, только чиновные офисы, появиться жилые кварталы, школы, рынок наконец? Ответы на эти вопросы важнее отдельных зданий их форма подчеркнута скромна, это скорее намек на форму, предчувствие.

Благодаря вживанию, вчувствованию в место, архитектура возвращает себе способность предвидения, а не следования чужому, даже президентскому, заданию. Исследовательский, критический подход позволяет сформулировать альтернативы. Именно

этого архитектура в России лишена уже многие годы: чувства реальности места и независимого экспертного суждения.

Точно сформулированная идея обладает собственной силой. Приведу один пример: три года назад на «Стрелке» прошел семинар посвященный Кремлю и связанным с ним градостроительным проблемам. Идея сделать территорию Кремля полностью доступной для публики казалась тогда абсурдной. Месяц назад Спасские ворота закрытые с 1918 года были открыты и вопрос о сквозном проходе через Кремль будет решен в ближайшее время. Наверное обитатели Кремля не стали демократичнее, законы гуманнее, но ворота открыты, сам видел.

Никита Токарев

Площадь застройки
56600 м²
42%

Общая площадь
224340 м²
проектируемая площадь
157283 м²

FAR 1.6

Количество жителей
3500
на проектируемых участках
2148

Километровые участки
874

Машинмест
1000
на проектируемых участках
766